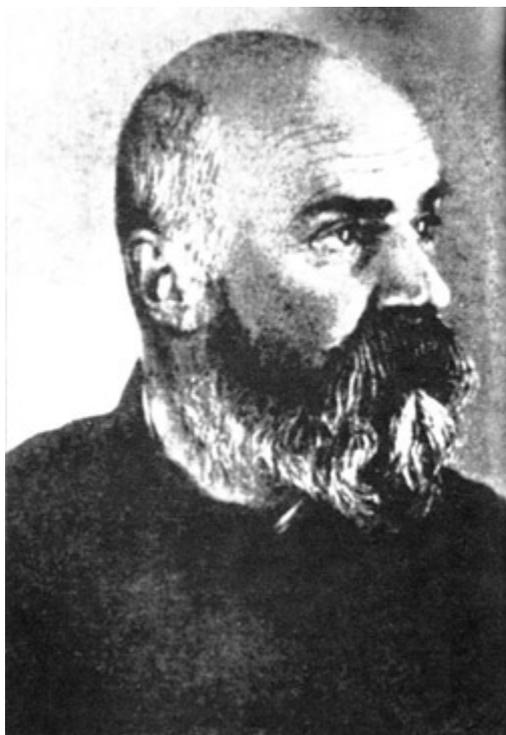

Т.В. Смирнова

Памяти графа Ю.А. Олсуфьева (1878–1938)

**Граф Юрий Александрович
Олсуфьев**

В конце 1918 г. была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, и на первом же заседании граф Юрий Александрович Олсуфьев был избран заместителем председателя Комиссии¹. (Председателем был архитектор И.Е. Бондаренко). Изучать искусство Олсуфьев начал еще в студенческие годы, ездил для этой цели в Европу. После смерти отца в 1907 г. он возглавил строительный комитет по возведению на Куликовом поле храма во имя преподобного Сергия Радонежского, который было решено строить в русском стиле. В связи с этим и началось знакомство графа с древнерусским искусством.

В 1913 г. Олсуфьев с женой совершил большую поездку, посетив Ростов Великий, Ярославль, Вологду, Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Вряд ли стоит сомневаться в том, что Олсуфьев был хорошо знаком с недавно открытыми от поздних записей иконами в Русском музее, где отделом древнерусской живописи заведовал родственник и друг Олсуфьева П.И. Нерадовский.

Именно там, у Нерадовского, копировал иконы В.А. Комаровский, художник, увлекшийся древнерусским искусством, которому вместе с Д.С. Стеллецким и было заказано выполнение иконостаса для храма на Куликовом поле. Оба этих художника уже написали к моменту этого заказа иконы для храма в имении графов Медем под Хвалынском.

Юрий Александрович Олсуфьев с женой Софьей Владимировной. Усадьба Буйцы Тульской губернии.

Увидев их, Олсуфьев признался, что ему они совсем не нравятся. Стеллецкий настаивал на своей правоте, но Комаровский сказал, «что ему самому не нравится, если судить сравнительно со старыми иконами, которых Олсуфьевы очень много некоторые служат им мерилom»².

Критика Олсуфьева была учтена, и, получив иконы для церкви на Куликовом поле, художники получили телеграмму: «Сейчас открыли иконы, поражены красотой, пишу, обнимаю. Юрий»³.

Поселившись после Февральской революции в Сергиевом Посаде, Олсуфьев увидел, в каком состоянии находится Троицкий собор Лавры, в котором покоятся мощи преподобного Сергия Радонежского, и написал предложения по архитектурной и живописной реставрации собора. Он доложил их на первом же заседании Комиссии⁴.

Приемку икон в 1918–1920 годах вели Олсуфьев и о. Павел Флоренский. Он также много занимался описями серебра, работал над

Описью Троице-Сергиева монастыря 1641 г., вкладной книгой 1672 г. синодиком 1575 г., подготавливая их к печати.

**Храм Сергия Радонежского на Куликовом поле. Архитектор А.В. Щусев.
Современное фото.**

Одновременно с научной работой Олсуфьев занимался массой административно-хозяйственных дел как заместитель председателя, а с сентября 1919 г. как председатель Комиссии⁵. Ю.В. Готье, занимавшийся передачей библиотеки Лавры в библиотеку Румянцевского музея, сделал в ноябре 1919 г. такую запись в дневнике: «Очень характерно, что за всеми распоряжениями идут к Олсуфьеву: я сам был свидетелем, как его спрашивали, что делать с церковным вином, когда отпирать Успенский собор и т.п. Он произвел на меня впечатление истинного наместника Лавры»⁶. Запись сделана через несколько дней после выселения монахов из Лавры⁷. Олсуфьев, несомненно, приобрел навыки хозяина, когда он более десяти лет

занимался своим имением Буйцы в Тульской губернии. Привычка вести хозяйство сохранялась и позже, при работе в Комиссии.

Троицкий и Никоновский соборы Лавры. Открытка начала XX века

Но в марте 1920 г. активная работа Олсуфьева в Комиссии была прервана. Этому предшествовали события, связанные с выпуском сборника-путеводителя «Троице-Сергиева лавра»⁸. Издание, отпечатанное в 1919 г., тогда не увидело света. Причиной этого была разгромная статья М. Горева (священника-расстриги М.В. Галкина)⁹. Бондаренко пришлось вскоре уйти со своего поста. В качестве нового председателя Олсуфьев разработал Положение о Комиссии. Оно было утверждено 6 октября 1919 г. Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В положении говорилось, что Комиссия хранит памятники, изучает, описывает, делает их доступными для обозрения народом и руководит этими обозрениями¹⁰. Таким образом, было ясно, что Комиссия работает над созданием музея, где бы народ и обозревал памятники искусства. Однако член Отдела по делам музеев Н.М. Щекотов заявил 10 ноября 1919 г., что Комиссией «научная работа по регистрации поставлена хорошо, но в смысле музейного строительства не сделано ничего. Необходим руководитель по организации

музея»¹¹. На основании его доклада была образована Ревизионная комиссия в составе трех человек, в которую вошел Щекотов, очевидно, претендовавший на руководителя создания музея. Это оказалось на руку местной власти, которая очень хотела получить имущество Лавры. Тут же была создана Межведомственная комиссия по разрешению вопросов, связанных с ликвидацией Троице-Сергиевой лавры как монастыря. Во главе этой комиссии Наркомат юстиции поставил уже известного Галкина, а Ревизионная комиссия была включена в состав Межведомственной. Далее события развивались так¹². Межведомственная комиссия заседала несколько дней в январе 1920 г. Щекотов докладывал о работе Комиссии по охране Лавры. Его стал дополнять С.П. Мансуров, работавший в Комиссии со дня ее создания. Но Щекотов недоволен перебил его, сказав, что «Мансуров высказывает предположения, не идущие к делу».

Однако остальных заседавших мало интересовали мысли Щекотова о создании музея. Председатель Галкин беспокоился, что музей будет способствовать поддержанию религиозных суеверий масс. Его горячо поддержали представитель Сергиевского исполкома О.Ф. Ванханен и представитель ВЧК Г.Я. Розенталь. Последний выразился так: «Я утверждаю, что Троице-Сергиева лавра – это гнойник на теле Советской России, который необходимо так или иначе отсечь». Но не меньше местную власть беспокоил склад двухдюймовых досок, находившийся в Лавре, а также запасы кровельного железа, проволоки, электрических проводов, гвоздей, керосина... Высказывалось опасение, что эти ценности монахи могут обменять на хлеб.

Негодование членов Межведомственной комиссии вызывало и использование монахов в качестве сторожей, хотя работали они исключительно хорошо. И заведующая Отделом по делам музеев Н.И. «Троцкая стала на ту точку зрения, что монахи, знающие Лавру лучше [кто-либо] другой, могут быть и лучшими сторожами, чем кто бы то ни было». Но представитель местного райкома М.Т. Смирнов сказал: «...я скорее готов

совершенно закрыть Лавру, чем примириться с необходимостью держать в ней монахов в качестве сторожей».

Галкин заявил, что в Лавре «сосредоточился ряд классовых врагов пролетариата» (среди них был назван и граф Олсуфьев) и высказал мнение, что во главе подотдела, который бы создавал музей в Лавре, должен стоять коммунист, и все остальные члены коллегии тоже должны быть коммунистами. А для музейных работ предложил пригласить известных художников, например, Рериха, Комиссию по охране памятников Лавры реорганизовать и всех монахов выселить. Вся Лавра должна быть в распоряжении местного исполкома. Щекотов просил оставить из прошлого состава Комиссии Флоренского, «который наименее внушает к себе недоверие». С этим согласились и представитель райкома, и представитель ВЧК. На первый взгляд, такое решение кажется странным: беспокоились о распространении религиозных предрассудков, а оставляли священника. Очевидно, было желание удалить из Комиссии Олсуфьева, – только он мог быть конкурентом Щекотову на посту председателя, и только он был деловым человеком в составе Комиссии, хозяином, что не устраивало местные власти.

В резолюции Межведомственной комиссии от 27 января 1920 г. сказано, что существование в стенах Лавры музея возможно только при полной ликвидации богослужения в храмах Лавры и вывозе мощей преподобного Сергия. В другой резолюции было записано решение раскассировать состав Комиссии по охране памятников Лавры и в качестве органа по созданию и управлению музеем образовать комиссию из пяти человек, причем все ее члены должны принадлежать РКП. Щекотов и двое других представителей Отдела по делам музеев обе резолюции не подписали, однако они были в меньшинстве. (Сам Щекотов был беспартийным).

Отдел по делам музеев с решениями Межведомственной комиссии не согласился и попытался оставить Комиссию по охране памятников Лавры в прежнем составе. Однако уже в марте 1920 г. Олсуфьев, Флоренский и Шик

были поставлены в такие условия, что вынуждены были уйти. Комиссию по охране памятников Лавры перевели в подчинение местному подотделу искусств, а создаваемый в Лавре музей – Отделу по делам музеев. Щекотов получил пост уполномоченного по организации музея.

Однако местные власти по-прежнему жаждали получить имущество Лавры, утверждая, что «хозяйство Лавры приходит в упадок и подвергается расхищению, а к использованию этого хозяйства местным исполкомом встречалось всегда громадное препятствие со стороны вышеназванной Комиссии»¹³. Организация музея в таких условиях была практически невыполнимой. Щекотову пришлось обратиться в Совнарком. В результате 20 апреля 1920 г. Лениным был подписан декрет об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры.

Щекотов стал и уполномоченным по организации музея, и председателем Комиссии по охране памятников Лавры. Однако оказалось, что инвентаризацию имущества Лавры в месячный срок, как было предписано декретом, осуществить невозможно. Эта работа продолжалась еще и в 1923 г. Ни Рерих, ни другие специалисты из Москвы не переехали в Сергиев Посад. И новый состав Комиссии пришлось комплектовать из местных художников. Так что Отдел по делам музеев уже в августе 1920 г. должен был просить Олсуфьева и Флоренского работать в Комиссии в качестве штатных сотрудников. Флоренский не нашел приемлемым это предложение, а Олсуфьев согласился и в течение нескольких лет был в Комиссии экспертом по древнерусскому искусству, продолжая работу над описями икон и серебряных предметов. Щекотов, грубо нарушивший нормальный ход работы Комиссии, вскоре ушел на повышение: в 1921 г. он уже директор ГИМ, потом директор ГТГ. В деле же охраны памятников Лавры и создания музея большую роль сыграли принятые во второй половине 1920 г. в качестве ее членов В.Д. Державин и А.Н. Свирин¹⁴.

В 1921 г. была открыта выставка древнерусской книги, в 1924 – искусства XIV и XV вв. В той и другой основную роль играл Олсуфьев.

Собственно с этих выставок и начинался музей. В конце 1924 г. Олсуфьеву предложили возглавить отдел искусства XVI в. В связи с этим он направил в Комиссию записку, где изложил как некоторые общие принципы создания музея, так и конкретные предложения по обустройству музея. Он писал: «Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры еще осенью 1919 г. рассматривала вопрос о лучшем размещении своего собрания предметов искусства, хранимых в Ризнице. Не раз указывалось и представителями центра, что Ризница представляет из себя не что иное, как склад, хорошо оборудованную кладовую, но никоим образом не выставочное помещение, приспособленное для наглядной экспозиции хранимых предметов. Было время, когда и ризничная кладовая казалась недостаточно надежным помещением, и наиболее ценные вещи прятались в самой Ризнице. <...> Но время это минуло. Никто не усомнится в том, что музеи должны обслуживать интересы народа, а не служить только лабораториями для ученых занятий специалистов. <...> Итак, музей – для широких слоев общества – таков современный лозунг музейного дела». Далее Олсуфьев писал о выставке искусства XIV и XV веков и указывал на то, что «Ризница осталась слишком тесной для сколько-нибудь удовлетворительного размещения в ее стенах собрания XVI и XVII веков. <...> Шкафы глубоки, темны, испещрены частыми переплетами и скорее дразнят посетителя, который в большинстве случаев принужден принимать рассказываемое о хранимых предметах на веру. <...> Особенная скученность наблюдается в палате, где сосредоточено серебро. Можно без преувеличения сказать, что “голова идет кругом” при виде этой пестроты стилей». Далее Олсуфьев, объяснял, почему должны быть переделаны бывшая гостевая палата келаря и Пивная башня под выставку, и как именно это следует сделать. Он особенно заботился об охране музейных ценностей и предлагал сделать железные ставни и двери.

На заседании Комиссии он просил обязать архитектора составить проект переделок и смету. Увидев возле кузницы несколько щитов из

толстого котельного железа и три железные двери, тут же предложил Комиссии их приобрести для ставен и дверей нового отдела¹⁵. Чувствуется, что «отлучение» в течение нескольких лет от хозяйственной работы в Комиссии было насилием над его натурой¹⁶. Только в 1926 г. руководству музея удалось оформить Олсуфьева на должность старшего помощника хранителя.

Олсуфьев прекрасно понимал необходимость издательской деятельности. К тому же у него был и опыт в таком деле: под его руководством были выпущены шесть томов произведений искусства Тульской губернии¹⁷. Вопрос об издании каталогов был поставлен им на заседании Комиссии еще 9 ноября 1918 г., и он предложил уже сделанный им в то время каталог миниатюр, предлагая издать его в красках¹⁸. Тогда осуществить это было невозможно. Работая нештатным сотрудником, он опубликовал ряд описей икон и серебра, а позже несколько теоретических работ по иконописи¹⁹.

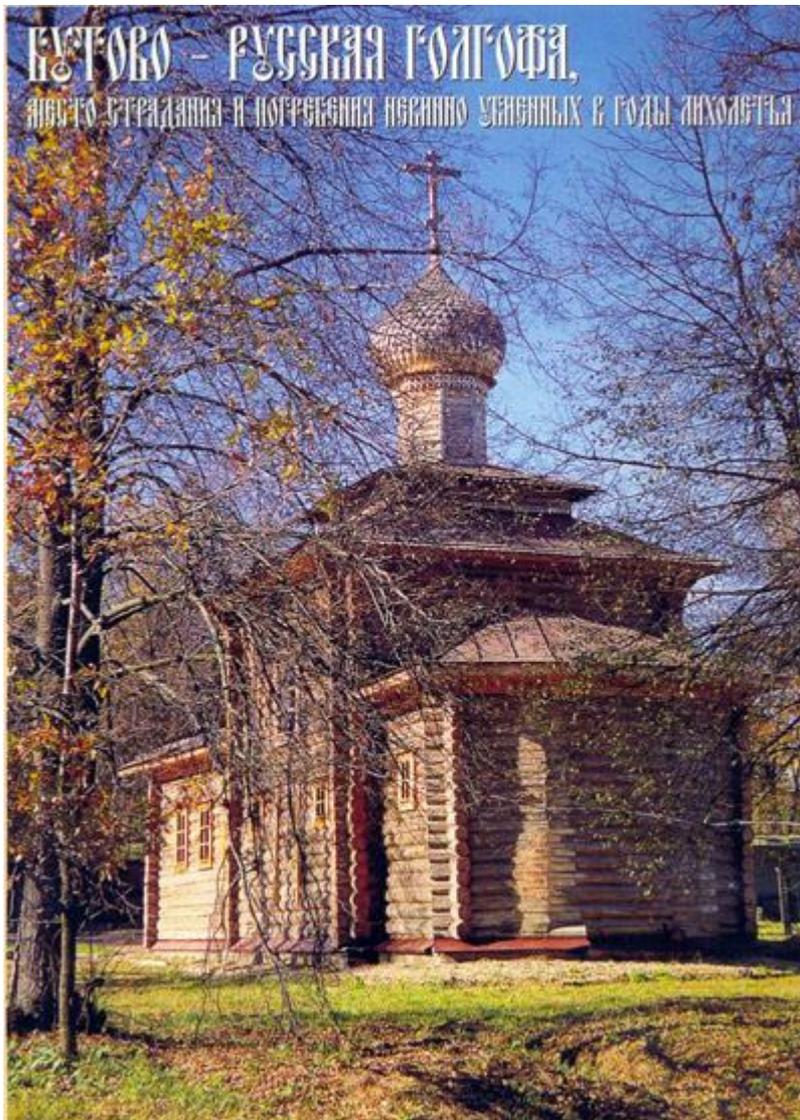
К концу 1920-х годов обстановка в музее и вокруг него накалялась. Бывший учащийся Сергиевского Педагогического техникума Ф.К. Попов в своих мемуарах писал: «...нелепое положение с экскурсоводами в антирелигиозном музее не могло успокоить коммуниста Пяткова²⁰, и он решил действовать так, как считал нужным. Поэтому и вписал первую страницу в биографию Загорска, когда самовольно принялся практиковать в бывшей Лавре настоящие первые антирелигиозные экскурсии в Загорском антирелигиозном музее, когда мы туда приходили к нему – чиновцы – целыми отрядами. Пятков как сотрудник музея, как зам. начальника ЧОНа действовал тогда совершенно правильно, если проводил свои антирелигиозные экскурсии в духе и в букве протокола Комиссии по публичному вскрытию мощей от 11 апреля 1919 г. и книге Михаила Васильевича Горева-Галкина “О Сергии Радонежском и о созданной им Троице-Сергиевой лавре”».

Однако такое своеволие не нравилось набожному графу Олсуфьеву, и он, разыгрывая из себя якобы очень деликатного человека “высшего круга”, отводил его в сторону от экскурсии и ехидно заявлял: “Вы это напрасно и самовольно проводите антирелигиозную пропаганду. Вы ведь сами же в ней недостаточно осведомлены. Тем более, что Вы, как рабочий, грамотно и говорить не умеете. А главное – Вас никто не уполномочивал вести антирелигиозную пропаганду”»²¹.

Кампания против Олсуфьева и других сотрудников музея, которая велась в местной и центральной печати, освещена в работе С.М. Половинкина.²² В ОПИ ГИМ имеются два рапорта-протеста Олсуфьева по поводу абсолютно клеветнических публикаций о нем в «Комсомольской правде» и журнале «Безбожник у станка». Он не мог смириться со случаями откровенной лжи. Попытки добиться справедливости относятся к апрелю 1928 года²³. Особенно озлобленные нападки в прессе вызвала книга о троицком резчике века Амвросии²⁴. В «Рабочей Москве» вышла статейка, автор которой в частности, писал: «Надо быть действительно ловкими нахалами, чтобы под маркой “научной книги” на десятом году революции давать такую чепуху читателю Советской страны, где даже каждый пионер знает, что легенда о существовании Христа не что иное, как поповское шарлатанство»²⁵. И Олсуфьев понял: надо из Сергиева Посада уезжать. Заметка появилась 17 мая. Соавтор Олсуфьева по вышеназванной книге – Флоренский – был арестован 21 мая. А всего тогда, в мае 1928 г., арестовали 80 жителей города по обвинению в том, что они «благодаря своего происхождения, занимаемого ими как в дореволюционное время, так и сейчас, идеологически были родственны между собой и составляли целую группу черносотенного элемента, настроенного резко враждебно по отношению к Соввласти». Олсуфьев оформил в музее отпуск и уехал, а затем, в июне 1928 г., его уволили.

В дальнейшем он работал в Центральных государственных реставрационных мастерских, затем в Государственной Третьяковской

галерее, занимаясь спасением и реставрацией памятников монументальной живописи и икон²⁶. В январе 1938 г. Олсуфьева арестовали и обвинили в распространении антисоветских слухов. Его расстреляли на Бутовском полигоне 14 марта 1938 г.

Храм Святых мучеников и исповедников российских в Бутове

Светлая память об Олсуфьеве – замечательном ученом, музейном деятеле должна сохраниться навсегда. А его исследования в области древнерусского искусства заслуживают переиздания и внимательного изучения.

¹ Архив СПМЗ. Д. 1/1. Л. 2 об.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 92.

⁴ Архив СПМЗ. Д. 1/2. Л. 2–4 об.

⁵ Подробнее см.: *Смирнова Т.В.* Ю.А.Олсуфьев: материалы к биографии. // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 158. С. 328–342.

⁶ *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 133.

⁷ Наместник Лавры архимандрит Кронид находился в стенах Лавры по крайней мере до 25 января 1925 г. – *Игумен Андроник (Трубачев)*. Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918– 1948 гг. М., 2008. С. 43.

⁸ Троице-Сергиева лавра. М., 2007 (Переиздание).

⁹ *Горев М.* «Черная доска» // Революция и Церковь. 1919, № 3–5, Текст статьи приведен в кн.: *Андроник (Трубачев), игумен*. Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 119–123.

¹⁰ Архив СПМЗ. Д. 1/17. Л. 6–6 об.

¹¹ Цит. по кн. *Андроник (Трубачев), игумен*. Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 38.

¹² Протоколы и резолюции Межведомственной комиссии приведены в кн. *Андроник (Трубачев), игумен*. Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 42–81.

¹³ *Андроник (Трубачев), игумен*. Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 92.

¹⁴ *Смирнова Т.В.* В.Д. Дервиз – один из первых создателей Сергиевского музея // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2000. М., 2000.

¹⁵ Архив СПМЗ. Д. 1/66. Л. 3–5, Д. 1/46. Л. 36.

¹⁷ Памятники искусства Тульской губернии. Материалы. [Изд. Тульского отдела защиты и сохранения в России памятников искусства и старины]. Год 1, вып. I. М., 1912, 4 с., 17 табл.; год 1, вып. II. 1913, 3 с., 48 табл.; год II, М., 1913, 1+ 27 с., 27 табл.; год II, М., 1913, 11 с., 57 табл.; год III, вып. 1. М., 1914, 31 с., 59 табл.; год III, вып. II. М., 1914, 3 с., 21 табл.

¹⁸ Архив СПМЗ. Д. 1/1. Л. 10 об.

¹⁹ *Олсуфьев Ю.А., граф*. Икона в музейном фонде: исследования и реставрация. / Сост. А.Н. Стрижев. М., 2006. Полный список работ Олсуфьева см.: *Вздорнов Г.И.* Юрий Александрович Олсуфьев // Вопросы искусствознания. 1993. № 4. С. 328–333.

²¹ ЦГАМО. Ф. 314. Д. 35. Л. 13–16.

²² *Половинкин С.П., Флоренский П.В.* Второй арест // П.А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 9–67. *Половинкин Сергей*. «Гнездо черносотенцев под Москвой». (Сергиево-Посадское дело 1928 года) // Россия. XXI. 2004. № 6. С. 144–172.

²³ ОПИ ГИМ. Ф.54. Ед. хр. 835. Л.158, 156.

²⁴ *П.А.Флоренский, Ю.А. Олсуфьев*. Амвросий, троицкий резчик XV века. Сергиев, 1927.

²⁵ Цит. по статье *Шенталинского Виталия* Удел величия // Огонек. 1990. № 45. С. 24.

²⁶ *Вздорнов Г.И.* Юрий Александрович Олсуфьев // Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006.

Доклад опубликован: Кадашевские чтения, Сборник докладов конференции V. М., 2009.